

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

СОВЕТ ЕВРОПЫ

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО МАМЕДОВА ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба № 7064/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

1 Июня 2006

Настоящее постановление вступит в силу при условиях, оговоренных в § 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле Мамедова против России

Европейский Суд по правам человека (первая секция), заседая палатой в составе:

Г-н Х.Л. Розакис, *председатель*,

Г-жа Н. Ваич,

Г-н А. Ковлер,

Г-жа Е. Стайнер,

Г-н К. Гаджиев,

Г-н Д. Шпильманн,

Г-н С.Е. Йебенс, *судьи*,

и Г-н С. Нильсен, *секретарь секции*,

посовещавшись при закрытых дверях 11 мая 2006 года, вынес в этот день настоящее Постановление.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (№ 7064/05) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданкой России г-жой Ольгой Вагидовной Мамедовой 6 января 2005 года.

2. Заявителя в Суде представляли г-н М.Овчинников и г-н Ф.Багрянский, адвокаты, практикующие во Владимире. Правительство России (далее – «Правительство») представлял г-н П.Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Жалоба была направлена в Первую секцию Суда (правило 52 § 1 Регламента Суда). В соответствии с правилом 26 § 1 в этой секции была сформирована палата судей для рассмотрения данного дела (статья 27 § 1 Конвенции).

4. 21 июня 2005 года Суд решил коммуницировать жалобу Правительству. В соответствии с положениями статьи 29 § 3 Конвенции Суд решил рассмотреть доводы по существу жалобы совместно с вопросом о приемлемости. Председатель принял решение о рассмотрении данной жалобы в приоритетном порядке (Правило 41 Регламента Суда).

5. Правительство возражало против совместного рассмотрения вопроса о приемлемости и доводов по существу жалобы. Рассмотрев возражения Правительства, Суд отклонил их.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родилась в 1974 году и живет во Владимире, Россия.

A. Уголовное дело в отношении заявителя

1. Задержание Заявителя и заключение под стражу

7. 20 июля 2004 года началось уголовное расследование мошенничества в сфере финансов, предположительно совершенного заявителем совместно с другим лицом.

8. 22 июля 2004 года в квартире заявителя был произведен обыск, и она была уведомлена о подозрении против нее.

9. 23 июля 2004 года заявитель была задержана, и ей было предъявлено обвинение в мошенничестве в особо крупных размерах, преступлении, предусмотренном частью 3 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

10. 24 июля 2004 года Фрунзенский районный суд города Владимира санкционировал заключение заявителя под стражу на том основании, что она подозревается в совершении тяжкого преступления и может скрыться, поскольку ее соучастник уже скрылся. Она также может уничтожить доказательства, поскольку некоторые документы еще не были изъяты.

11. 26 июля 2004 года заявитель подала [кассационную] жалобу. Она просила о более мягкой мере пресечения и просила суд принять во внимание, что она обвиняется в экономическом преступлении, что у нее нет преступного прошлого, имеется постоянное место жительства и работы во Владимире, семейные связи, устоявшийся образ жизни и двое малолетних детей в возрасте четырех и трех лет. Если бы она хотела, она могла скрыться после производства обыска в ее квартире. Тот факт, что она не скрылась от правосудия, доказывает то, что она не имеет такого намерения. Она также жаловалась на бесчеловечные условия ее содержания под стражей и добивалась присутствия в суде кассационной инстанции.

12. 10 августа 2004 года Владимирский областной суд оставил в силе постановление от 24 июля 2004 года, найдя его законным, достаточно обоснованным и справедливым. По мнению областного суда, районный суд дал правильную оценку личности заявителя и другим материалам, представленным прокурором. Кассационное заседание состоялось с участием двух адвокатов заявителя и с

участием прокурора, который повторил доводы, изложенные районному суду. Ходатайство заявителя об обеспечении ее личного участия было отклонено, поскольку ее доводы были ясно изложены в жалобе и не требовали дополнительных объяснений.

2. Продление срока содержания под стражей до 23 ноября 2004 года

13. 22 сентября 2004 года Фрунзенский районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 23 ноября 2004 года. Суд обосновал свое решение тяжестью предъявленного заявителю обвинения и возможностью того, что она может скрыться или воспрепятствовать правосудию.

14. 27 сентября 2004 года заявителем была подана [кассационная] жалоба. Она жаловалась, что постановление от 22 сентября 2004 года было недостаточно мотивировано, что суд не учел ее личную ситуацию, что условия содержания ее под стражей бесчеловечны. Она просила освободить ее под залог.

15. Кассационное заседание было назначено на 19 октября 2004 года. В этот день заседание было отложено, поскольку заявитель не была доставлена в здание суда.

16. 3 ноября 2004 года Владимирский областной суд пришел к выводу, что не имеется оснований для изменения меры пресечения, и оставил в силе постановление от 22 сентября 2004 года.

3. Продление срока содержания под стражей до 23 декабря 2004 года

17. 22 ноября 2004 года Фрунзенский районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 23 декабря 2004 года, указав следующее:

«...по уголовному делу необходимо выполнить большой объем следственных действий с участием [заявителя].

[Заявитель] обвиняется в совершении тяжкого преступления, кроме того, следствием представлены в суд документы, дающие основания полагать, что, находясь на свободе, она может скрыться от следствия и суда, а также воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Суд не усматривает оснований для изменения или отмены избранной в отношении [заявителя] меры пресечения».

18. 1 декабря 2004 года заявителем была подана [кассационная] жалоба. 27 декабря 2004 года Владимирский областной суд оставил постановление в силе. В обоснование было указано, что постановление являлось законным и обоснованным.

4. Продление срока содержания под стражей до 23 января 2005 года

19. 22 декабря 2004 года Фрунзенский районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 23 января 2005 года, ссылаясь на тяжесть обвинений и необходимость дальнейшего расследования. Суд также отметил, что заявитель может скрыться, воспрепятствовать правосудию и совершить новое преступление.

20. 27 декабря 2004 года заявителем была подана [кассационная] жалоба. Она ссылалась, в частности, на бесчеловечные условия содержания ее под стражей и просила освободить ее под залог.

21. 1 февраля 2005 года Владимирский областной суд оставил в силе постановление от 22 декабря 2004 года. В частности, суд кассационной инстанции указал, что «условия содержания в следственном изоляторе не могут служить обстоятельством, влияющим на принятие решения о продлении срока содержания под стражей».

5. Продление срока содержания под стражей до 20 марта 2005 года

22. 21 января 2005 года Фрунзенский районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 20 марта 2005 года. Обоснование было такое же, как и в постановлении от 22 декабря 2004 года.

23. 24 января 2005 года заявителем была подана [кассационная] жалоба. Она указывала, что содержится под стражей уже 6 месяцев, и национальное законодательство разрешает дальнейшее продление только в том случае, если дело является особо сложным. Сторона обвинения не представила ничего в обоснование того, что дело является особо сложным. Также сторона обвинения не доказала, что она намеревается скрыться или воспрепятствовать установлению истины. Стороной обвинения были произведены обыски в квартире заявителя и в офисе и изъяты все бумаги; по причине этого она не могла уничтожить какие-либо доказательства. Заявитель просила суд учесть ее личную ситуацию – то, что она является матерью двух малолетних детей с постоянным местом жительства и работы во Владимире – и бесчеловечные условия содержания ее под стражей. Она жаловалась на то, что ей не была предоставлена возможность ознакомиться с материалами, представленными стороной обвинения в обоснование ходатайства о продлении.

24. 22 февраля 2005 года Владимирский областной суд оставил в силе постановление от 21 января 2005 года. Суд кассационной инстанции поддержал доводы суда первой инстанции. Он указал:

“Мнение защитника о необходимости учитывать при продлении срока содержания обвиняемой под стражей условия содержания в следственных изоляторах, не основано на законе ...

Уголовно-процессуальным законом (ст.ст. 108, 109 УПК РФ) не предусмотрено оглашение материалов, представленных суду следствием в подтверждение необходимости продления срока содержания обвиняемого под стражей, как и выслушивание мнения участников судебного заседания по каждому из них“.

6. Продление срока содержания под стражей до 20 мая 2005 года

25. 18 марта 2005 года Фрунзенский районный суд вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей до 20 мая 2005 года. Суд решил, что заявитель обвиняется в серьезных преступлениях, что имеется необходимость в проведении дополнительного расследования и что отсутствуют причины для изменения меры пресечения.

26. 24 марта 2005 года заявителем была подана [кассационная] жалоба. 19 апреля Владимирский областной суд оставил постановление в силе.

7. Продление срока содержания под стражей до 20 июня 2005 года

27. 19 мая 2005 года Фрунзенский районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 20 июня 2005 года. Суд постановил, что продление объективно оправдано в связи со сложностью дела, тяжестью обвинения и опасностью того, что заявитель скроется или воспрепятствует установлению истины.

28. 27 мая 2005 года заявителем была подана [кассационная] жалоба. Она повторила доводы, изложенные в ее [кассационной] жалобе на постановление от 24 января 2005 года и добавила, что ее отец серьезно болен. 21 июня 2005 года Владимирский областной суд оставил кассационную жалобу без удовлетворения.

8. Продление срока содержания под стражей до 20 июля 2005 года

29. 17 июня 2005 года Фрунзенский районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 20 июля 2005 года. Он сослался на сложность дела (материалы дела состояли из 13 томов), необходимость дальнейшего расследования, тяжесть обвинения и опасность того, что заявитель скроется или воспрепятствует установлению истины.

30. 28 июля 2005 года Владимирский областной суд оставил постановление в силе.

9. Дальнейшие продления срока содержания Заявителя под стражей и ее освобождение из-под стражи

31. 14 июля 2005 года расследование было завершено и заявитель предстала перед судом. Адвокаты заявителя подали в суд ходатайство о ее освобождении.

32. 19 июля 2005 года Ленинский районный суд города Владимира назначил первое заседание на 2 августа 2005 года и постановил, что заявитель должна по-прежнему содержаться под стражей.

33. 2 августа 2005 года Ленинский районный суд установил, что дело не готово к рассмотрению по существу, поскольку у заявителя не было достаточно времени для ознакомления с материалами дела, и направил дело для дополнительного расследования. Суд постановил, что заявитель должна оставаться под стражей.

34. 4 августа 2005 года постановлением прокурора города Владимира мера пресечения была изменена. Заявитель была освобождена из-под стражи, но была обязана не покидать город.

В. Условия содержания заявителя под стражей

35. Заявитель содержалась под стражей в следственном изоляторе ИЗ-33/1 во Владимирской области.

1. Количество заключенных в камере

36. Согласно справке администрации учреждения от 11 августа 2005 года, представленной Правительством, заявитель содержалась в четырех камерах, описанных следующим образом: камеры №№ 73 и 74 (22 кв. м, 18 коек, в среднем 15 заключенных), камера № 69 (24 кв. м, 21 койка, в среднем 14 заключенных) и камера № 70 (25 кв. м, 15 коек, в среднем 10 заключенных). Правительство утверждает, что у заявителя всегда была отдельная койка.

37. Заявитель не оспаривает площадь камер и количество коек. Однако она не согласна с количеством заключенных, указанных Правительством. Как указывает заявитель, с июля 2004 года по март 2005 года она содержалась в камере № 73 вместе с заключенными количеством от 15 до 22; со 2 по 4 марта 2005 года она содержалась в камере № 69 совместно с 14 заключенными; после этого и до 18 мая 2005 года она содержалась в камере № 74, где находились еще 20 человек; ночью 18 мая она была в камере № 70 совместно с 10 заключенными; и 19 мая 2005 года она была переведена назад в камеру № 74, в которой содержалось до 20 заключенных. В камерах №№ 73 и 74 у нее не всегда была отдельная койка.

2. Санитарные условия и оборудование камер, температура и водоснабжение

38. Правительство, ссылаясь на справку администрации учреждения от 11 августа 2005 года, утверждает, что все камеры были оборудованы туалетом. Унитаз не имел крышки, но был отделен от жилой части кирпичной стеной высотой в один метр и дополнительной занавеской высотой 1,2 метра. Раз в неделю заключенные обеспечивались моющими средствами (сода и хлорка). Стол для приема пищи располагался на расстоянии 3 метров от унитаза. Заключенным позволялось принимать душ раз в неделю. В камерах вентиляция осуществлялась естественным путем через окна и дверное отверстие. По просьбе заключенных им предоставлялись вентиляторы. Горячее водоснабжение отсутствовало, но заключенным разрешалось использование кипятильников. Кроме того, предоставлялась горячая вода для стирки и кипяченая питьевая вода. Раз в неделю заключенным предоставлялись чистые постельные принадлежности, полотенца и кухонные принадлежности. Камеры освещались лампами дневного света, которые горели днем и ночью.

39. Заявитель не согласна с описанием, представленным Правительством, и утверждает, что санитарные условия были неудовлетворительными. Камеры кишели насекомыми, крысами и мышами. Заключенные вынуждены были стирать в камере, создавая в камерах излишнюю влажность. Отсутствовала искусственная вентиляция. Вентилятор был предоставлен только в июне 2005 года. Окна были закрыты толстыми металлическими решетками, которые препятствовали поступлению естественного освещения. Искусственный свет никогда не выключался, мешая заявителю спать.

40. Заявитель оспаривает описание туалета, предоставленное Правительством. Унитаз чистился редко, и был очень грязным и зловонным. Более того, у него не было крышки: заключенные втыкали в дыру пластиковую бутылку с целью предотвратить распространение запахов. Занавесок [отделяющих туалет] не было, и заключенные вынуждены были вешать простыню, которая не обеспечивала необходимое уединение. Туалетные принадлежности не предоставлялись, выдавались 100 граммов соды и хлорки и 33 грамма хозяйственного мыла раз в неделю.

41. Заявителю предоставлялась возможность принимать душ раз в неделю. Всей камере предоставлялось 15 минут на то, чтобы принять душ, хотя имелось лишь четыре душевых лейки. Мыло предоставлялось после принятия душа. Зимой в душевой комнате было крайне холодно. В дни судебных заседаний или в дни свиданий с родственниками заявитель лишалась возможности принять душ.

3. Прогулки

42. Правительство отмечает, что заявителю ежедневно предоставлялась часовая прогулка.

43. Заявитель признает, что каждый день была часовая прогулка. Однако в банные дни заключенным прогулка не предоставлялась. Прогулка часто прерывалась для всех заключенных в камере как коллективное наказание за дисциплинарное нарушение, допущенное одним из заключенных. Прогулочные дворы были огорожены забором из кирпичных стен высотой 2,5 метра с решетками сверху. Они были покрыты металлической крышей с метровым зазором между крышей и верхней частью стен. Летом внутри было крайне жарко и душно, потому что солнце раскаляло крышу. Большинство дворов были площадью 9 квадратных метров, во двор помещалось до 10 человек одновременно.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

44. С 1 июля 2002 года уголовно-процессуальные правоотношения регулируются Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (Закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 года, «УПК»).

45. «Превентивные меры» или «меры пресечения» включают в себя обязательство не покидать город или область, личное поручительство, залог и содержание под стражей (Статья 98). В случае необходимости у подозреваемого или обвиняемого может быть взято обязательство о явке (Статья 112).

46. При решении вопроса о мере пресечения компетентные власти обязаны обсудить, имеются ли «достаточные основания полагать», что обвиняемый может скрыться в ходе расследования или судебного разбирательства, совершить новое преступление или воспрепятствовать установлению истины (Статья 97). Также должны учитываться тяжесть обвинения, данные о личности обвиняемого, его или ее профессия, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства (Статья 99).

47. Заключение под стражу может быть применено, если предъявлено обвинение в совершении преступления, за которое может быть назначено лишение свободы на срок не менее двух лет, при условии, что менее репрессивные меры пресечения не могут быть применены (Статья 108 § 1).

48. После заключения под стражу подозреваемый помещается под стражу «в ходе расследования». Максимально разрешенный срок содержания под стражей «в ходе расследования» 2 месяца. Однако он может быть продлен до восемнадцати месяцев при наличии «исключительных обстоятельств» (Статья 109 §§ 1-3). Срок

содержания под стражей «в ходе расследования» исчисляется до дня, когда прокурор направил дело для рассмотрения в суд (Статья 109 § 9).

49. Со дня, когда прокурор направляет дело в суд для рассмотрения, подсудимый содержится под стражей «за судом» (или «в ходе судебного разбирательства»). Срок содержания под стражей «в ходе судебного разбирательства» исчисляется до дня постановления приговора. Он не может обычно превышать шесть месяцев, но если дело касается тяжких или особо тяжких преступлений, суд может санкционировать одно или более продлений срока содержания под стражей, каждое не более чем на 3 месяца (Статья 255 §§ 2 и 3).

50. Кассационная жалоба на постановление о заключении под стражу или продлении срока содержания под стражей может быть подана в вышестоящий суд в течение 3 дней¹. Суд кассационной инстанции должен рассмотреть жалобу в течение 3 дней после ее получения (Статья 108 § 10).

III. ПРИМЕНИМЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ

51. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на Первом конгрессе ООН по предотвращению преступлений и обращению с преступниками, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобренные резолюциями Экономического и социального совета 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года, предусматривают, в частности, следующее:

“10. Все помещения, которыми пользуются заключенные, особенно все спальные помещения, должны отвечать всем санитарным требованиям, причем должное внимание следует обращать на климатические условия, особенно на кубатуру этих помещений, на минимальную их площадь, на освещение, отопление и вентиляцию....

11. В помещениях, где живут и работают заключенные:

(а) окна должны иметь достаточные размеры для того, чтобы заключенные могли читать и работать при дневном свете, и должны быть сконструированы так, чтобы обеспечить доступ свежего воздуха, независимо от того, существует ли или нет искусственная система вентиляции;

(б) искусственное освещение должно быть достаточным для того, чтобы заключенные могли читать или работать без опасности для зрения.

12. Санитарные установки должны быть достаточными для того, чтобы каждый заключенный мог удовлетворять свои естественные потребности, когда ему это нужно, в условиях чистоты и пристойности.

¹ Так в тексте.

13. Банные установки и количество душей должны быть достаточными для того, чтобы каждый заключенный мог и был обязан купаться или принимать душ ... хотя бы раз в неделю в умеренном климате.

14. Все части заведения, которыми заключенные пользуются регулярно, должны всегда содержаться в должном порядке и самой строгой чистоте.

15. От заключенных нужно требовать, чтобы они содержали себя в чистоте. Для этого их нужно снабжать водой и туалетными принадлежностями, необходимыми для поддержания чистоты и здоровья.

19. Каждому заключенному следует обеспечивать отдельную койку ..., снабженную отдельными спальными принадлежностями, которые должны быть чистыми в момент их выдачи, поддерживаться в исправности и меняться достаточно часто, чтобы обеспечивать их чистоту.

21. (1) Все заключенные ... имеют ежедневно право, по крайней мере, на час подходящих физических упражнений на дворе, если это позволяет погода».

52. В применимых извлечениях из 2-го Общего доклада Европейского комитета по предотвращению пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания (СРТ), указывается следующее:

«46. Переполненность – это вопрос, имеющий прямое отношение к мандату СРТ. Все службы и деятельность тюрьмы будут находиться под отрицательным воздействием, если тюрьме придется обслуживать больше заключенных, чем она рассчитана; общее качество жизни в таком учреждении понизится, возможно, существенно. Более того, уровень переполненности в тюрьме или в отдельной ее части может быть таким, что будет сам по себе бесчеловечным и унижающим достоинство с физической точки зрения.

48. Особо должны быть упомянуты прогулки на открытом воздухе. Требование о том, чтобы заключенным позволялось ежедневно минимум один час гулять на открытом воздухе широко признано как основная гарантия... Само собой разумеется также, что место для прогулок должно быть разумно просторным...

49. Неограниченный доступ к пристойным санитарно-гигиеническим удобствам и поддержание достойных гигиенических стандартов являются существенными составляющими человеческих условий жизни...

50. СРТ хотел бы добавить, что он особо озабочен, когда обнаруживает переполненность, плохо налаженную деятельность и недостаточный доступ к туалету или служащим для мытья удобствам в одном и том же учреждении. Общее воздействие таких условий на заключенных может быть чрезвычайно пагубным”.

53. В применимых извлечениях из 10-го Общего доклада, регулирующего условия содержания под стражей женщин [СРТ/Inf (2000) 13], указывается следующее:

«21. ...Во всех странах – членах Европейского Совета женщины-заключенные представляют меньшинство относительно всех лиц, лишенных свободы, поэтому создание особых условий для женщин-заключенных представляется достаточно дорогим для государств, и как результат, женщины часто содержатся в тех немногих местах лишения свободы (как правило, расположенных далеко от дома и от зависящих от них детей), изначально предназначенных (и могущих быть заселенными) только для мужчин-заключенных. При таких обстоятельствах необходима особая систем мер, обеспечивающих содержание женщин, находящихся под стражей, в безопасных и вполне достойных тюремных условиях.

30. Комитет также хотел бы привлечь внимание к ряду вопросов, касающихся личной гигиены и здоровья, в соответствии с которыми, нужды женщин, заключенных под стражу, существенно отличаются от запросов мужчин-заключенных.

31. Женщинам-заключенным должны быть предназначены адекватные условия личной гигиены и здоровья. Необходим свободный доступ к санитарным и моющим средствам, необходимы специальные установки (контейнеры) для использованных прокладок, а также полное обеспечение средствами личной гигиены, особенно гигиеническими прокладками и тампонами.

В случае невыполнения требования обеспечить необходимыми средствами содержание женщин-заключенных в тюрьмах может еще больше ухудшиться».

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

54. Заявитель жаловалась на то, что условия ее содержания в следственном изоляторе ИЗ-33/1 составляли нарушение статьи 3 Конвенции, в которой говорится:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию”.

A. Приемлемость

55. Правительство приводит довод, что заявитель не исчерпала доступные ей внутренние средства [правовой защиты]. В частности, она не жаловалась на условия ее содержания в прокуратуру Владимирской области или в Управление по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генеральной прокуратуры РФ или в суд.

56. Заявитель утверждала, что она ставила вопрос о плохих условиях содержания под стражей в каждом судебном слушании. Она последовательно ссылалась на бесчеловечные условия в каждой кассационной жалобе. Однако, суды либо игнорировали ее жалобы, либо отвечали, что «условия содержания одинаковые для всех». Она не жаловалась в прокуратуру, потому что подобная жалоба не была бы эффективным средством. Прокуроры присутствовали на судебных слушаниях, они слышали ее жалобы и имели возможность прочитать ее кассационные жалобы. Однако они оставались пассивными и не принимали каких-либо мер, чтобы исправить ситуацию.

57. Суд отмечает, что заявитель неоднократно жаловалась на унижающие условия ее содержания под стражей в судах первой и кассационной инстанций. Эти жалобы были доведены до внимания прокуроров. Поэтому Суд считает, что власти были в достаточной степени осведомлены о ситуации заявителя. Действительно, она [заявитель] не подавала отдельную жалобу в суды, прокуратуру или другие государственные органы, предложенные Правительством. Однако Правительство не продемонстрировало, каким образом эти органы могли исправить ситуацию заявителя, принимая во внимание, что проблемы, связанные с ее содержанием под стражей, очевидно носили структурный характер и не касались только ситуации заявителя (См. Моисеев против России (решение) № 62936/00, 9 декабря 2004 года; Калашников против России (решение), № 7095/99, 18 сентября 2001 года). Поэтому Суд приходит к выводу, что эта жалоба не может быть отклонена в связи с неисчерпанностью внутренних средств.

58. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Далее Суд отмечает, что никаких других оснований для признания ее неприемлемой не установлено. Поэтому жалоба должна быть признана приемлемой.

В. Доводы

1. Аргументы сторон

59. Правительство признает, что камеры были перенаселены, поскольку в учреждении выполнялись ремонтные работы. Переполнение могло причинить заявителю некоторые неудобства, однако власти не имели намерения унижить ее. В остальных условиях ее содержания под стражей были удовлетворительными. У нее все время были индивидуальная койка и постельное белье, санитарные и гигиенические нормы соответствовали установленным требованиям. Ей предоставлялась возможность ежедневной прогулки. В итоге, условия содержания заявителя под стражей были совместимы со статьей 3.

60. Заявитель оспорила описание Правительством условий содержания под стражей в следственном изоляторе ИЗ-33/1 как фактически неверные. Она привлекает внимание Суда к тому факту, что Правительство не указывает точное количество сокамерников, а указывает только среднее количество. В действительности, число сокамерников в камере было больше, чем указывается Правительством, и она не всегда имела спальное место. Ремонтные работы в учреждении не являются убедительным оправданием для содержания ее в переполненных помещениях. В дополнение, камеры были темные, холодные, душные, кишевшие паразитами. Туалеты в учреждении были грязными и зловонными и не предоставляли возможности уединения. Постельное белье было грязным и истрепанным. Еда была крайне низкого качества. У нее не имелось реальной возможности для прогулок, поскольку прогулочные дворы были переполнены, а также покрыты металлическими крышами, которые ограничивали поступление свежего воздуха.

2. Оценка Суда

61. У сторон существуют разногласия по поводу реальных условий содержания заявителя в учреждении ИЗ-33/1 Владимирской области. Однако у Суда нет необходимости устанавливать истину по каждому или по всем утверждениям, поскольку он признает нарушение статьи 3 на основе фактов, которые были представлены или не оспаривались Правительством-ответчиком, по следующим причинам.

62. Стороны в принципе согласны, что камеры в учреждении ИЗ-33/1 были перенаселены. В камерах №№ 69, 73 и 74 на каждого заключенного приходилось менее 2 кв.м. площади. Более года заявитель и день, и ночь проводила в камере, за исключением ежедневной прогулки.

63. Была ли перенаселенность вызвана ремонтными работами или другими причинами – несущественно для анализа Суда, на Правительстве-ответчике лежит обязанность организовать пенитенциарную систему таким образом, чтобы гарантировать уважение достоинства заключенных, несмотря на финансовые или организационные трудности.

64. Суд часто приходил к выводу о нарушении статьи 3 Конвенции в связи с недостатком площади, предоставленной заключенным (смотри *Худоеров против России*, № 6847/02, § 104 et seq., ECHR 2005-... (извлечения); *Лабзов против России* № 62208/00, § 44 et seq., 16 июня 2005; *Новоселов против России* № 66460/01, § 41 et seq., 2 июня 2005; *Майзит против России* № 63378/00, § 39 et seq., 20 января 2005; *Калашиников против России* № 47095/99, §§ 97 et seq., ECHR 2002-VI; *Пирс против Греции* № 28524/95, §§ 69 et seq., ECHR 2001-III).

65. Учитывая собственную практику по данному предмету и материалы, представленные сторонами, Суд отмечает, что Правительство не выдвинуло какие-либо факты или аргументы, способные убедить его прийти к другому выводу в данном деле.

Тот факт, что заявитель должна была жить, спать и пользоваться туалетом в одной камере с большим количеством других заключенных, сам по себе был достаточным для того, чтобы причинить страдания или вызвать трудности такого уровня, который превышает неизбежный уровень страданий, присущий заключению, и вызывает чувства страха, боли и неполноценности, способные оскорбить и унижить ее достоинство.

66. Что касается довода Правительства о том, что власти не имели намерения причинить заявителю страдания, Суд повторяет, что хотя вопрос о том, имело ли обращение целью унижить или оскорбить жертву, является фактором, принимаемым во внимание, отсутствие такой цели не может исключать наличие нарушения статьи 3 (смотри *Kalashnikov*, цитировавшееся выше, § 101; *Peers*, цитировавшееся выше, § 74).

67. Таким образом, имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей в учреждении № ИЗ-33/1.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 3 КОНВЕНЦИИ

68. Заявитель жалуется на нарушение ее права на судебное разбирательство в разумный срок и утверждает, что постановления о продлении срока содержания под стражей не были надлежащим образом обоснованы. Она ссылается на статью 5 § 3 Конвенции, в которой говорится:

“Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.”

A. Приемлемость

69. Суд отмечает, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Далее Суд отмечает, что никаких других оснований для признания ее неприемлемой не установлено. Поэтому жалоба должна быть признана приемлемой.

В. Доводы

1. Аргументы сторон

69. Правительство утверждает, что содержание заявителя под стражей было надлежащим образом обосновано. Она была заключена под стражу, поскольку подозревалась в совершении мошенничества при отягчающих обстоятельствах, которое является тяжким преступлением. Имелись основания полагать, что она может скрыться, поскольку ее соучастник и отец двух ее малолетних детей скрылся. Она могла уничтожить доказательства и воспрепятствовать установлению истины, такое намерение подтверждалось записью телефонных переговоров с неустановленным лицом. Заявитель предупреждала это лицо о предстоящем обыске и побуждала его или ее уничтожить документы и стереть компьютерные файлы. Эти записи были исследованы судами. Содержание заявителя под стражей продлевалось, поскольку ее дело было сложным, и имелась необходимость в дальнейшем расследовании. Более того, расследование было затруднено вследствие того, что заявитель отказалась от дачи показаний, от дачи образцов ее почерка и подписи и не согласилась дать образцы ее голоса. Имелся также риск повторного совершения ею преступления, давления на свидетелей, угроз им, фальсификации доказательств или воспрепятствования расследованию другим способом.

70. Заявитель не оспаривает, что первоначальное заключение ее под стражу было законным. Ее жалоба сфокусирована на излишней продолжительности содержания под стражей. Отсутствовали относимые к делу и достаточные основания для содержания ее под стражей столь долгий период. Дело не являлось сложным. Она использовала свое право не свидетельствовать против себя, и ее отказ от дачи образцов почерка, подписи и голоса не мог оправдать содержание ее под стражей. Она не может нести ответственность за тот факт, что другой обвиняемый скрылся. Утверждения Правительства о том, что она может скрыться, были гипотетическими и не были подкреплены какими-либо доказательствами. Напротив, если бы она скрылась, она была бы разлучена со своими маленькими детьми и потеряла бы работу. Поскольку она была задержана на следующий день после обыска в ее квартире, у нее было достаточно времени скрыться, если бы она этого хотела. Она не могла уничтожить доказательства, поскольку у нее дома и в офисе были произведены обыски и все документы были изъяты и приобщены к материалам дела. Что касается записи телефонных переговоров, то они не были исследованы национальными судами, и суды не ссылались на них в постановлениях о продлении срока содержания под стражей.

Отсутствовали какие-либо доказательства того, что она может совершить преступление.

2. Оценка Суда

71. Заявитель была заключена под стражу 23 июля 2004 года. 4 августа 2005 года она была освобождена из-под стражи. Таким образом, продолжительность периода, который должен быть принят во внимание, составляет немногим более года.

72. Сторонами не оспаривается, что содержание заявителя под стражей первоначально было оправдано обоснованным подозрением в участии в совершении мошенничества в крупном размере. Суд повторяет, что стойкое наличие обоснованного подозрения, что задержанный совершил правонарушение, является условием *sine qua non* для законности непрерывного содержания под стражей. Вместе с тем спустя некоторое время этого становится недостаточно. В подобных случаях Суд должен установить, продолжают ли другие основания, приведенные национальными властями, оправдывать лишение свободы.

Там, где такие основания являлись «релевантными» и «достаточными», Суд должен также удостовериться, что компетентные национальные власти проявили «особое усердие» в проведении расследования (see *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, §§ 152 и 153, ECHR 2000-IV).

73. Проверяя законность и обоснованность продолжающегося содержания заявителя под стражей, районные и областной суды упорно ссылались на тяжесть обвинений как на главное основание возможности заявителя скрыться, воспрепятствовать ходу расследования или совершить новое преступление. Однако, Суд неоднократно отмечал, что хотя строгость наказания является релевантным элементом при оценке риска того, что лицо скроется или совершит новое преступление, необходимость продолжения лишения свободы не может оцениваться исходя из исключительно абстрактной точки зрения, принимая во внимание только тяжесть преступления. Не может также продолжение содержания под арестом быть использовано как ожидание осуждения (смотри *Letellier v. France*, judgment of 26 June 1991, Series A no. 207, § 51; также смотри *Panchenko v. Russia*, no. 45100/98, § 102, 8 февраля 2005; *Goral v. Poland*, no. 38654/97, § 68, 30 октября 2003; *Ilikov v. Bulgaria*, no. 33977/96, § 81, 26 июля 2001). Это особенно важно в таких делах, как настоящее дело, где правовая квалификация фактов, а, следовательно, и наказания, грозящего заявителю, была определена обвинением без судебного исследования вопроса о том, подкрепляют ли собранные доказательства обоснованное подозрение в том, что заявитель совершила

инкриминируемое преступление (смотри *Rokhlina v. Russia*, по. 54071/00, § 66, 7 апреля 2005).

74. Остается установить, устанавливалось ли и убедительно демонстрировалось национальными судами существование конкретных фактов в поддержку их вывода, что заявитель может скрыться, воспрепятствовать расследованию или совершить новое преступление. Суд в этой связи повторяет, что на национальных властях лежит обязанность устанавливать конкретные факты, относящиеся к основаниям для продолжения содержания под стражей. Перекалывание бремени доказывания на заключенного в таких случаях равносильно отступлению от правила статьи 5 Конвенции, согласно которой содержание под стражей является исключительным изъятием из права на свободу, которое допускается лишь в строго определенных случаях, перечень которых является исчерпывающим (смотри *Rokhlina*, цитировавшееся выше, § 67; *Ilijkov*, цитировавшееся выше, §§ 84-85).

75. Национальные суды мотивировали возможность заявителя скрыться ссылкой на то, что ее соучастник скрылся. По мнению Суда, поведение соучастника не может быть решающим фактором для оценки риска того, что заявитель скроется. Такая оценка должна быть основана на личных обстоятельствах заключенного. В данном деле национальные суды не указывали на какие-либо данные о личности или поведении заявителя, которые оправдывали бы их вывод о том, что существует постоянная опасность того, что она скроется. С другой стороны, заявитель постоянно приводила факты, уменьшающие риск того, что она может скрыться. Однако национальные суды не уделяли внимание обсуждению доводов заявителя о том, что у нее нет преступного прошлого, имеется постоянное место жительства и работы во Владимире, стабильный образ жизни, два малолетних ребенка, и что ее отец серьезно болен. Они не учли тот факт, что заявитель имела возможность скрыться после обыска в ее квартире, но она осталась в распоряжении следствия. При этих обстоятельствах Суд находит, что в настоящем деле не было установлено существование риска того, что заявитель скроется.

76. Далее Суд подчеркивает, что согласно статье 5 § 3 власти обязаны рассмотреть альтернативные меры, гарантирующие явку обвиняемого в суд, при решении вопроса о том, подлежит ли он или она освобождению или заключению под стражу. Так, нормой закреплено не только право на «разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда», но и установлено, что «освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд» (смотри *Sulaoja v. Estonia*, по. 55939/00, § 64 *in fine*, 15 February 2005; *Jabłoński v. Poland*, по. 33492/96, § 83, 21 декабря 2000).

77. В настоящем деле в течение всего периода содержания заявителя под стражей власти не обсуждали возможность обеспечения присутствия заявителя путем применения более мягких мер пресечения, хотя адвокаты заявителя неоднократно просили освободить ее под залог или под подписку о невыезде – «меры пресечения», которые явно предлагаются российским законодательством для обеспечения надлежащего производства по уголовному делу (смотри параграф 45 выше). Национальные суды никак не отразили в своих решениях, почему альтернативные лишению свободы меры не могут обеспечить надлежащий ход судебного разбирательства. Отсутствие этого еще больше необъяснимо в связи с тем, что новый УПК недвусмысленно требует от национальных судов обсудить вопрос о менее репрессивных «мерах пресечения» как альтернативе заключению под стражу (см. выше параграф 47).

78. Единственным другим основанием для продолжающегося содержания заявителя под стражей, которое указали национальные суды, было то, что заявитель может уничтожить доказательства, воспрепятствовать правосудию или совершить новое преступление. Суд допускает, что на начальных стадиях расследования риск вмешательства заявителя в отправлении правосудия мог оправдать содержание ее под стражей. Однако, после того, как доказательства были собраны, это основание отпало. Более того, национальные власти не мотивировали, почему же они считали, что подобный риск существует. Правительство сослалось на записи телефонных переговоров заявителя, и утверждало, что она могла запугивать свидетелей или фальсифицировать доказательства. Суд повторяет, что в его задачу не входит подмена национальных властей, которые решают вопрос о содержании заявителя под стражей, и давать свой собственный анализ доводам за и против содержания под стражей (смотри *Nikolov v. Bulgaria*, no. 38884/97, § 74, 30 января 2003; *Labita*, цитировавшееся выше, § 152). На эти обстоятельства впервые была сделана ссылка лишь уже в ходе разбирательства в Суде и национальные суды никогда не упоминали их в своих решениях.

79. Далее Суд отмечает, что решения о продлении заявителю срока содержания под стражей не принимали должным образом во внимание ее личное положение. В большинстве решений национальные суды использовали одинаковые резюмирующие формулировки и стереотипные слова. Решения районного суда от 19 июля и 2 августа 2005 года не содержатся какого-нибудь обоснования необходимости продолжения содержания заявителя под стражей. В них отмечается только, что «заявитель должен оставаться под стражей». Еще более поражает то, что к тому времени заявитель уже год находилась под

стражей, расследование было окончено, и дело было направлено для судебного разбирательства.

80. Необходимо отметить, что в решении от 22 февраля 2005 года Областной суд определил, что не было необходимости заслушивать мнение сторон о материалах, представленных прокурором в обоснование ходатайства о продлении срока содержания под стражей. В этой связи Суд напоминает, что статья 5 § 3 обязывает «должностное лицо» лично заслушать обвиняемого, проверить все факты, свидетельствующие за и против предварительного заключения под стражу, и изложить в решении о содержании под стражей факты, на которых решение основано (смотри *Hood v. the United Kingdom* [GC], no. 27267/95, § 60, ECHR 1999-I; *Schiesser v. Switzerland*, постановление от 4 декабря 1979, Series A no. 34, § 31). Таким образом, продление срока содержания заявителя под стражей без заслушивания ее мнения, без предоставления ей возможности прокомментировать материалы, представленные прокурором, и без принятия должным образом ее доводов в пользу освобождения несовместимо с гарантиями, установленными статьей 5 § 3 Конвенции.

81. Наконец, Суд отмечает, что ни на одном этапе судебного разбирательства национальные власти не рассмотрели, не превысило ли содержание заявителя под стражей «разумный срок». Такой анализ должен бы был быть особенно тщательным в решениях национальных судов после того, как заявитель провела в заключении много месяцев, однако критерий «разумности срока» никогда не был применен.

82. С учетом вышеизложенного, Суд считает, что нерассмотрением конкретных фактов или возможности применения иных «мер пресечения», и ссылаясь в основном на тяжесть обвинения, власти продлевали срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые не могут быть признаны «релевантными и достаточными». При таких обстоятельствах отсутствует необходимость решать вопрос о том, являлось ли дело сложным, и о том, осуществлялось ли производство с «особым усердием». Однако в настоящем деле Суд никак не может согласиться с утверждением Правительства о том, что отказ заявителя от дачи показаний затянул производство по делу, и вызвал задержки, в которых виновата сама заявитель. Заявитель не обязана сотрудничать с властями и ее нельзя обвинять в том, что она полностью воспользовалась своим правом хранить молчание (смотри, *mutadis mutandis, Yağcı and Sargin v. Turkey*, постановление от 8 июня 1995, Series A no. 319-A, § 66; *W. v. Switzerland*, постановление от 26 января 1993, Series A no. 254-A, § 42). Прокуратура была обязана собирать доказательства и проводить расследования таким образом, чтобы обеспечить проведение судебного разбирательства в отношении заявителя в разумный срок. Суд не убеждает довод Правительства, что задержки в ходе расследования возникали по вине заявителя.

83. Таким образом, имеет место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 4 КОНВЕНЦИИ

84. Заявитель со ссылкой на 5 § 4 Конвенции жалуется, что ей не было разрешено принять участие в заседании суда кассационной инстанции 10 августа 2004 года. Далее она жалуется, что суды не рассматривали безотлагательно ее кассационные жалобы на постановления о продлении срока содержания под стражей от 22 сентября, 22 ноября и 22 декабря 2004 года и 21 января 2005 года. Статья 5 § 4 Конвенции гласит:

“Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным”.

A. Приемлемость

85. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Далее Суд отмечает, что никаких других оснований для признания ее неприемлемой не установлено. Поэтому жалоба должна быть признана приемлемой.

C. Доводы

1. Неучастие в кассационном заседании 10 августа 2004 года

86. Правительство утверждает, что отказ заявителю в участии в заседании соответствовал национальному законодательству, которое наделяет правом участвовать в заседании кассационной инстанции только лиц, в отношении которых постановлен обвинительный или оправдательный приговор. В любом случае, доводы заявителя были четко изложены в ее кассационных жалобах и не требовали дополнительных объяснений. Адвокаты заявителя присутствовали на заседании, что обеспечило соблюдение прав защиты. Правительство добавило, что заявитель присутствовала на заседании 3 ноября 2004 года и что она не ходатайствовала об участии в последующих заседаниях.

87. Заявитель признает, что ее адвокаты участвовали в заседании 10 августа 2004 года. Тем не менее, она настаивала на необходимости своего участия, поскольку она собиралась описать [суду] ужасающие условия ее содержания. Она аргументирует это тем, что практика,

принятая национальными судами, заставляла ее выбирать между личным присутствием и правовым представительством. Хотя участие в заседании 3 ноября 2004 года действительно было обеспечено, этот факт только подтверждает, что суды произвольно разрешали ее ходатайства. Она не ходатайствовала об участии в последующих заседаниях из-за бесчеловечных условий доставки в суд.

88. Суд напоминает, что в силу статьи 5 § 4 задержанное или заключенное под стражу лицо имеет право на возбуждение производства по пересмотру судом процессуальных или материальных условий, существенных для «законности» по смыслу статьи 5 § 1, его или ее лишения свободы (смотри *Brogan and Others v. the United Kingdom*, постановление от 29 ноября 1988, Series A no. 154-B, § 65). Хотя не всегда требуется, чтобы процедура согласно статье 5 § 4 предоставляла те же гарантии, какие предоставлены статьей 6 § 1 Конвенции для уголовного или гражданского судопроизводства, она должна носить судебный характер и предоставлять гарантии, которые соответствуют характеру вопроса лишения свободы, который будет рассматриваться (смотри *Reinprecht v. Austria*, no. 67175/01, § 31, ECHR 2005-....., с последующими отсылками). Процедура должна быть состязательной и должна всегда гарантировать равноправие сторон. В деле лица, которое было лишено свободы в пределах статьи 5 § 1 (с), слушание необходимо (see *Trzaska v. Poland*, no. 25792/94, § 74, 11 July 2000). Возможность для лица, лишённого свободы быть заслушанным лично или через какие-либо формы представительства, занимает важное место среди фундаментальных гарантий судопроизводства, касающегося дел, связанных с лишением свободы (смотри *Kampanis v. Greece*, постановление от 13 июля 1995, Series A no. 318-B, § 47).

89. Суд отмечает, что 10 августа 2004 года была рассмотрена кассационная жалоба заявителя на постановление о первоначальном содержании под стражей. На кассационном заседании присутствовали прокурор и адвокат заявителя, но не заявитель лично, несмотря на ее ходатайство об этом.

90. С самого начала Суд отмечает, что заявитель добивалась присутствия в суде кассационной инстанции с целью просить об освобождении по основаниям, тесно связанным с ее личным положением. Во-первых, она планировала описать ужасные условия содержания ее под стражей, о которых ее адвокат знал только со слов. Только заявитель лично могла описать условия и ответить на вопросы судей, если бы таковые возникли. Более того, это была ее первая возможность вынести этот вопрос на обсуждение национальных судов, поскольку она не могла знать заранее, какими будут условия содержания под стражей на заседании от 24 июля 2004 года, когда было продолжено ее содержание под стражей. Во-вторых, представляется, что решение суда было основано на его оценке

«личности» заявителя. Оно было основано на письменных документах без допроса заявителя и предоставления ей возможности описать ее личное положение. Наконец, Суд отмечает, что это был случай, чтобы суд кассационной инстанции проверил факты, свидетельствующие за и против содержания ее под стражей. Учитывая значение первого кассационного заседания, ссылку суда кассационной инстанции на личность заявителя, и ее намерение ходатайствовать об освобождении из-под стражи ввиду особых условий ее содержания под стражей, ее присутствие требовалось для дачи достаточной информации и указаний ее адвокату (смотри *Graužinis v. Lithuania*, no. 37975/97, § 34, 10 октября 2000).

91. В свете вышеизложенного, Суд полагает, что отказ в ходатайстве о присутствии в заседании суда кассационной инстанции 10 августа 2004 года лишил заявителя эффективного контроля за законностью ее содержания под стражей, требуемого статьей 5 § 4 Конвенции.

92. Таким образом, имеет место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции.

2. Безотлагательность рассмотрения

93. Правительство утверждает, что кассационные жалобы заявителя были рассмотрены в сроки, установленные национальным законодательством.

94. Заявитель подчеркивает, что речь шла о ее праве на свободу и что она содержалась в бесчеловечных условиях. Поэтому безотлагательное рассмотрение ее кассационных жалоб было существенным.

95. Суд отмечает, что рассмотрение национальными судами кассационных жалоб заявителя на постановления о продлении срока содержания под стражей заняло 36, 26, 36 и 39 дней (смотри параграфы 14, 18, 20, и 23 выше).

Нет ничего, что позволило бы предположить, что заявитель после подачи жалоб сама затягивала их рассмотрение. Суд полагает, что эти четыре периода не могут считаться совместимыми с требованием статьи 5 § 4 о «безотлагательности», особенно учитывая то, что их продолжительность полностью контролировалась властями (смотри, например, *Rehbock v. Slovenia*, no. 29462/95, §§ 85-86, ECHR 2000-XII, где рассмотрения по пересмотру решений, которые длились двадцать три дня, не были «безотлагательными»).

96. Таким образом, имеет место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

97. Статья 41 Конвенции предусматривает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

A. Ущерб

98. Заявитель просит 100,000 евро в счет возмещения нематериального вреда.

99. Правительство считает, что требование чрезмерно велико и не подтверждается доказательствами. Сам факт установления нарушения был бы достаточно справедливой компенсацией.

100. Суд отмечает, что в данном деле он установил комбинацию серьезных нарушений. Заявитель год содержалась под стражей в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях. Ее содержание под стражей не имело достаточных оснований. Ее кассационная жалоба на первоначальное постановление о заключении под стражу была рассмотрена в ее отсутствие. Наконец, во многих случаях она была лишена права на безотлагательное рассмотрение правомочности своего содержания под стражей. При таких обстоятельствах Суд считает, что страдания и муки заявителя не могут быть компенсированы одним лишь установлением нарушения. Основываясь на беспристрастной оценке, Суд присуждает заявителю 16,000 евро в счет возмещения нематериального ущерба, плюс сумму всех налогов, которыми она может облагаться.

B. Расходы и издержки

101. Ссылаясь на документы и адвокатские расчеты, заявитель просит 6,150 евро за представление его интересов г-ном Овчинниковым и 1,750 евро за представление его интересов г-ном Багрянским, которые потратили 123 и 35 часов соответственно на подготовку жалобы, возражения и требования о справедливой компенсации. Между заявителем и ее представителями была достигнута договоренность о том, что их работа будет оплачиваться из расчета 50 евро в час.

102. Правительство полагает, что сумма, которую требует заявитель, чрезмерно велика. Оно утверждает, что заявитель не

доказала, что ее представители действительно затратили указанное время на подготовку жалобы.

103. Согласно практике Суда, заявитель имеет право на компенсацию ее расходов и издержек настолько, насколько будет доказано, что они были понесены на самом деле и были необходимы и разумны по количеству. В настоящем деле, учитывая имеющиеся документы и руководствуясь вышеуказанными критериями, Суд полагает, что необходимо присудить сумму в размере 4,500 евро плюс сумму всех налогов, которыми она может облагаться.

С. Неустойка

104. Суд считает нормальным, что неустойка должна основываться на предельной учетной ставке Европейского центрального банка, к которой должно быть добавлено три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Признает* жалобу приемлемой;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в части, касающейся условий содержания заявителя в учреждении ИЗ-33/1 Владимирской области;
3. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции;
4. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции в части отказа присутствия на заседании суда кассационной инстанции 10 августа 2004 года;
5. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции в части, касающейся длительности рассмотрения кассационных жалоб заявителя на постановления о продлении срока содержания под стражей от 22 сентября, 22 ноября и 22 декабря 2004 года, и 21 января 2005 года;
6. *Постановил*
 - (а) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев со дня, когда в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции постановление станет окончательным, выплатить заявителю следующие суммы, конвертируемые в русские рубли по курсу, установленному на день выплаты:

(i) EUR 16,000 (шестнадцать тысяч евро) в счет возмещения нематериального ущерба;

(ii) EUR 4,500 (четыре тысячи пятьсот евро) в счет возмещения расходов и издержек;

(iii) сумму всех налогов, которыми они могут облагаться;

(b) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев до выплаты взимается простой процент на вышеуказанную сумму по ставке, равной предельной учетной ставке Европейского центрального банка в период просрочки платежа плюс три процентных пункта;

7. *Отклонил* остальные требования заявителя по справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и составлено в письменном виде 1 июня 2006 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь Секции

Христос Розакис
Председатель

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и Правил 74 § 2 Правил процедуры Суда к решению прилагаются отдельное совпадающее мнение г-на Х.Л.Розакиса и г-жи Н.Ваич.

Х.Р.

С.Н.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ РОЗАКИСА И ВАИЧ

Вместе с другими судьями Палаты мы проголосовали за признание нарушения Статьи 5 § 4 Конвенции исходя из обстоятельств данного дела, поскольку мы сочли, что заявительница не имела возможности лично предстать перед кассационным судом, «чтобы ходатайствовать о своем освобождении по причинам, тесно связанным с ее личным положением» (параграф 91 постановления. Смотри также параграф 12 раздела «обстоятельства дела»). Учитывая тот факт, что кассационный суд придавал особое значение характеру заявительницы, ее личное появление в суде могло бы помочь кассационному суду подойти с большей ясностью к оценке данного вопроса, а также могло предоставить заявительнице возможность осуществить эффективную защиту своей позиции. (Смотри, *mutatis mutandis*, Grauzinis v. Lithuania, параграф 34).

Однако мы испытываем глубокие сомнения относительно второй части аргументации Палаты, которая сочла, что личное появление заявительницы в суде было необходимым еще и для того, чтобы она смогла описать ужасные условия ее содержания под стражей, «о которых недостаточно знал ее адвокат» (см. выше). Мы считаем, что жалобы лица на условия содержания под стражей хотя и могут явиться основанием для ссылки на Статью 3 Конвенции и/или признания нарушения этой статьи, не входят в сферу защиты параграфа 4 Статьи 5 Конвенции, который гарантирует каждому, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, право «на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

Хотя использование слов «правомерность» и «законный» в контексте заключения под стражу может быть истолковано как относящееся также к ситуациям, когда условия содержания под стражей нарушают национальное законодательство либо саму Конвенцию, тем не менее, страсбургский Суд никогда не толковал это положение таким образом. Термины «правомерность» и «законный» неизменно толковались как предусматривающие только процессуальные гарантии, содержащиеся в национальном праве или в Конвенции, а не материальные условия содержания под стражей. В конце концов, рассмотрение правомочности не является абстрактной процедурой, оно связано с ходатайством задержанного лица об освобождении в случае, если заключение под стражу будет признано незаконным; и мы глубоко сомневаемся, что в случае, если условия

содержания под стражей не соответствуют национальным или международным стандартам, соответствующее судебное решение приведет к освобождению лица, содержащегося под стражей. Очевидно, что такая жалоба, будучи удовлетворена судами, могла бы привести к изменению условий содержания под стражей, но не к освобождению. Следовательно, ссылка на такие условия со стороны лица, содержащегося под стражей, не может явиться основанием применения параграфа 4 Статьи 5, хотя она, конечно же, входит в сферу защиты других статей Конвенции.